

**Апробация предварительных результатов исследования по проекту РФФ.
Стенограмма. 20 августа 2019 г. Часть 1**

Выступление И. Массака

(Обсуждение выступления И. Массака)

Массака И.: В самой России сегодня есть, конечно, ностальгия по имперскости. Есть небольшое чувство проигравшего. Есть сожаление о средствах, вложенных в армию... Но есть ощущение, что раз у нас есть атомное ружье, то мы – держава! Эта ассоциация крепка у поколений, заставших еще Советский Союз.

Мухамедов Ш. Б.: Мне показалось, что Вы представляете именно польский взгляд на проблему. Русский язык, безусловно, богатый. Хотел бы уточнить, насколько корректно употребляете Вы слово «никогда» в контексте: «Казахстан никогда не позволит, чтобы сердце Евразии находилось...». И второе, то, что Вы сегодня представили, это Ваше личное политологическое наблюдение, или же Вы на что-то опираетесь?

Массака И.: Я и сама сейчас слышу, что не только «никогда», но и «не позволит» звучат некорректно. Я думаю, что политика Казахстана настолько рациональна, что тут дело в интересах, а не в том, что кто-то кому-то позволит – не позволит. Конфронтация силы. Политика реальна и она ведется в России. А вот в Казахстане она отчасти либеральна. И если бы дело касалось Казахстана, то я полагаю, что он бы искал консенсус.

Я опираюсь на материалы американских ученых, отчасти на мнение моего коллеги Дмитрия Шлапентоха, он довольно известный знаток евразийства. Материалы российских ученых я читаю с пониманием того, что это российский взгляд. В Польше евразийством серьезно занимаются три человека. Это я, Роман Бэкор (Торунь) и Рихард Порадовский (Варшава). Десять лет назад, когда у нас была мода на евразийство, появилось несколько кандидатских работ молодых политологов. Большое внимание у нас вызывают труды Льва Гумилева. И если его исторические работы воспринимают как серьезные исследования хорошего историка и знатока степных народов, то его размышления об этногенезе воспринимаются как экзотика. А наши политологи любят что-нибудь раскопать и исследовать как интересный пример сочетания точных и гуманитарных наук. В любом случае я опираюсь на западные работы, российские и труды трех польских ученых, которых я назвала. Но, к сожалению, я не знакома с работами тюркоязычного мира.

Котюкова Т. В.: Существует ли сегодня, на Ваш взгляд, какой-то имперский проект в странах Центральной Азии?

Массака И.: Я не думаю, что сегодня существует какой-то имперский проект. После падения двух империй возникло много центров, и все понимают, что нужен баланс. И я думаю, что в азиатских странах это понимается намного лучше потому, что нет такого чувства потери. Если в азиатских странах и есть какое-то чувство империализма, то его можно сформулировать так: «Вместе мы строим полюс с Соединенными Штатами, с Японией – с этими экономическими силами». Даже в самом ЕАЭС нет такой идеи. Может быть, участники ЕАЭС думают, что они строят что-то вместе. Нет, они просто выживают. Интерес участников ЕАЭС вне ЕАЭС. Я думаю, что нет таких проектов. Или я просто с ними не встречалась.

Почекаев Р. Ю.: Евразийцы, о которых Вы говорили, их заслуга в том, что они quintessence этих идей сформулировали, подвели под них политическую и философскую основу. Иначе бы они большой популярностью и влиянием не пользовались. О Л. Гумилеве и П. Савицком могли бы забыть. Само это движение возникло не на голом месте – корни его нужно искать в более раннем времени. Это работы Данилевского в XIX в. Труды московских историков XVI–XVII в. – это, так сказать,

протоевразийцы. И в Польше были свои протоевразийцы, если мы обратимся к сарматизму XVI–XVII в. Поэтому истоки этого явления надо искать не в 1920-х гг.

Массака И.: Конечно, вполне с Вами согласна. То, что они добавили нового, это то, что Россия татарская. А так они, конечно, работали на славянофильском материале. Евразийство интересно тем, что в нем есть мысли, которые вы хотите утопить, а они всплывают в новом виде.

Дарбаев А. Г.: Два вопроса. Буквально вчера завершилась встреча президентов В. Путина и Э. Макрона. И на пресс-конференции по завершении этой встречи Макрон сказал, что видит будущее России в Европе. Отсюда вопрос к Вам как к представителю Европы: видят ли сами европейцы будущее России в Европе. И второй вопрос: Вы в докладе сказали, что после присоединения к России Крыма в Казахстане занервничали. Что Вы под этим имели в виду?

Массака И.: Начну по порядку. Если вы кому-нибудь в Европе скажете, что русская литература XIX в. азиатская, вас засмеют. То, что есть хорошего в России, они видят в Европе: «Это наше европейское наследие!» А вот видят ли они в Европе Россию как страну? Нет, не видят! И не будут видеть до тех пор, пока Россия хочет сотрудничать на своих условиях. Если она пойдет на компромисс, но это должен быть глубокий компромисс – переработка всей политической системы, что нереально, тем более после 2012 года, когда все пошло, скорее, к тоталитаризации системы, а не к ее смягчению. Тогда бы Европа с удовольствием сотрудничала и считала Россию мостиком из Европы в Китай, а еще лучше – из США в Китай. Но зная интересы России, никто этот вариант не считает реалистичным. И даже не задумывается об этом. Интересы России другие и она, скорее, не отступит. Так что нынешний ответ: «Не видит!» В таком духе, с такой политикой не видит.

Вопрос второй. Когда Нурсултан Назарбаев еще занимал пост Президента в условиях присоединения Крыма к России, он больше внимания стал уделять внутренней политике, чтобы быть сильнее. На всякий случай. Если бы все сырье Казахстана не шло бы в Россию или через Россию, это была бы независимость. Но часто от этой логистики невозможно уйти – затраты на обходные пути бессмысленны. Поэтому в том, что есть в Казахстане самое ценное, он зависит от России. Во-вторых, Россия все-таки опасный сосед, от которого никуда не уйти и с которым надо жить в согласии. А независимость – это то, когда ты делаешь, что хочешь, и ни на кого не оглядываешься. Такой возможности ни у одного из соседей России нет. И в Польше нет. Я тоже не могу сказать, что Польша независима от России. При этом не говорю о какой-либо особой, специальной зависимости. Эта зависимость вытекает из геополитического положения, логистики, взаимодействия в международных организациях.

Васильев Д. В.: Этот вопрос можно дискутировать сколько угодно. Выход есть, но он не устроит ни Казахстан, ни кого-либо еще. Тот статус-кво, который сегодня сложился в регионе, он, как мне кажется, комфортен для всех участников процесса. Любые изменения будут иметь более тяжелые последствия, чем смена лидера в любом из государств. Российское цивилизационное пространство настолько сильное и настолько укорененное... Может быть, кто-то и ожидал, что поколение говорящих по-русски вымрет, но молодежь, мы видим, везде говорит по-русски потому, что Россия – это ближайший выход в мир. Америка далеко, Америка – дорого, Европа – непонятно, а Россия здесь, и в ней можно заработать. Это с одной стороны. С другой стороны, некоторые страны Центрально-Азиатского региона перешли на латиницу, но, я заметил, что официальные издания, самые дорогие книги и в обиходе даже в тех странах, которые десять лет перешли на латиницу, там до сих пор пишут на кириллице. Мне кажется, это симптоматично и отвечает на многие вопросы.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучила участник проекта С. А. Асанова)

Представлен анализ идеологии евразийского движения – оригинального, возникшего в 1920-е гг., и «возрожденного», или нео-евразийства, сформировавшегося в 1990-е гг. Сообщение представляет интерес с точки зрения изучения российской политической идеологии в европейском научном сообществе. Однако его содержание вряд ли может оказаться востребованным в рамках дальнейшей реализации научного проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.», поскольку большинство озвученной информации в той или иной степени известно участникам проекта. Гораздо больший интерес участников рабочей встречи могла бы привлечь информация о «восточных» идеологиях непосредственно на территории Польши – начиная с «сарматизма» XVII в. и до настоящего времени. До некоторой степени представленная информация (в аспекте превращения философской концепции в политическую программу), впрочем, может быть использована участником проекта О.О. Лисенковым с точки зрения политологического анализа развития международно-политической ситуации в Центральной Азии в глазах российских и европейских политиков и дипломатов.

Выступление Д. Шлапентоха

(Обсуждение выступления Д. Шлапентоха)

Васильев Д. В.: Выступление Дмитрия Шлапентоха вызывает мысли, которые кажутся крамольными. Мне показалось, что В. Бартольд стал жертвой тех людей, которых называют военными востоковедами, т. е. М. Венюкова и иже с ним и прежде него. Иными словами, Бартольд транслирует и облекает в научную форму ту традицию восприятия инородцев, которую заложили эти востоковеды – люди, которые захватывали и осваивали Центральную Азию. И вторая мысль – Бартольд живет в каждом из нас. Надо его вытравливать или нет, я не знаю. Лично пытаюсь отойти от этого, но, кажется, пока не получается.

Асанова С. А.: Дмитрий в своем докладе сказал о Тамерлане, который рубил головы. А Вы не пробовали посмотреть глазами современников, насколько нормально тогда было рубить головы? Ведь сегодня некоторые проявления жизни спартанцев диссонируют с нашими нормами этики и морали. Да и борьба с ведьмами в Европе чего стоит!

Шлапентох Д.: Что касается Тамерлана, то я вам пытался показать не то, как оно было на самом деле, как он соотносится с другими завоевателями прошлого. А то, как он воспринимался. А воспринимался он тем же В. Верещагиным именно как дикий азиат из тех, что жестоки до беспредельности, в противовес нам, русским, которые гуманные европейцы. Естественно, он мог осудить англичан (вспоминаем картину 1884 г., где показан расстрел сипаев англичанами). Потом я вернулся к совсем недавней истории с Тамерланом, когда при жизни И. Каримова возник очень сильный конфликт между таджикскими и узбекскими историками.

У арийства в современной истории есть масса модификаций и приложений. Я коснулся очень немногих приложений – центральноазиатского, где таджикская идея о том, что их Самарканд и Бухару отняли «дикие» тюрки. И их символ – Тамерлан. А он, оказывается, кроме рубки голов ничего и не сделал. «Мы древние саманиды, представители великой иранской арийской культуры». В правление Каримова это была весьма ясная мысль. И я вам говорю не о том, что было на самом деле, а насколько цинично, постмодернистски оно воспринималось и как увязывалось с политическими нуждами элиты.

Обычно интеллигенция любит видеть себя властителем дум, восторгается тем, как она формирует общество. Но идеологи и интеллигенция очень часто используются властью для своих сугубо практических нужд: «мы встаем с колен», «мы создаем империю» или «не создаем империю»... Моя задача – показать, как идеология меняла общество, как потребности администрации русской (как и английской, французской, германской) создавали конструкции. И их академики, включая В. Бартольда, в этом участвовали (не потому, что они были грубо куплены, а потому что следовали общему направлению) и работали на власть даже тогда, когда считали себя независимыми.

Васильев Д. В.: Если понял правильно Вашу главную мысль, Россия – в каждой великой державе.

Шлапентох Д.: В общем, да...

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучил участник проекта Р. Ю. Почекаев)

В сообщении причудливым образом сочетаются попытки анализа взглядов российской имперской элиты по поводу продвижения России в Центральной Азии с трансляцией современного «европоцентристского» (или даже «американо-центристского») видения отношений России с Востоком. Это, безусловно, имеет своим следствием, не столько попытки прояснить ситуацию в ее историческом развитии с сильными и слабыми сторонами, а

неконструктивную критику любых «незападных» подходов как в выстраивании отношений Российской империи (и современной России) с центрально-азиатским регионом, так и в оценке этих отношений. Гораздо больше интереса мог бы вызвать обзор современной американской историографии по данной тематике, а не просто манифестация современного «заокеанского» политизированного взгляда на проблематику. Вместе с тем, некоторые озвученные соображения могут представлять определенный интерес с точки зрения более углубленного изучения ряда историографических концепций как имперского, так и более поздних периодов, т.е. того направления в реализации проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.», которое реализует С. И. Ковальская.

Выступление участника проекта А. Г. Дарбаева

(Обсуждение выступления А. Г. Дарбаева)

Почекаев Р. Ю.: Мне показалось, что Ваш доклад содержит некоторые противоречия. В частности, изначальное стремление В. Перовского захватить Хиву. Но далее Вы говорите о том, чтобы посадить туда более лояльного правителя. Не стыкуется. Зачем сажать правителя, если можно захватить, присоединить? Далее по поводу того, что он надавил на хана Аллакули и достиг своей цели. Здесь следует учитывать азиатскую специфику, которую Россия не учитывала и часто страдала. Вы говорили об обязательствах, принятых именно ханом Аллакули. Преемники, согласно политической традиции, не были связаны обязательствами предшественников: могли подтвердить предыдущие договоренности, могли не подтвердить. Это и показали миссии П. Никифорова и Г. Данилевского в 1842 г. Рахим-кули, сменивший своего отца, просто проигнорировал все предыдущие договоренности, заключив самый формальный и поверхностный договор.

Что касается Вашего основного вывода о том, что поход Перовского заложил основы дальнейшей политики. Вам не кажется, что он наоборот затормозил эту политику? Ибо следующий поход на Хиву состоялся в 1873 г. и не силами Оренбургского края, а силами целых трех мощных регионов – только тогда русские почувствовали себя достаточно сильными. После похода Перовского три десятилетия не рисковали соваться!

Лысенко Ю. А.: Пожалуй, поддержу коллегу из Петербурга. Отталкиваясь от источников, хочу подчеркнуть, что до похода В. Перовского Россия не ставила, на мой взгляд, задачу покорения центральноазиатских государств. А именно поход Перовского, выводы самого губернатора по итогам этих событий натолкнули его на мысль о том, что диалога с Востоком не получится. Потому, что у двух сторон совершенно разные методы и представления о том, как должна строиться дипломатия и внешняя политика. Понятия «европейские методы дипломатии» и «восточные методы дипломатии» во многом диаметрально противоположны. Навязать какой-то договор, заставить поставить печать и подписать было фактически невозможно. Поэтому я считаю, что поход Перовского был неудачным. И влияние похода не на формирование политики, а на эволюцию восточной политики, скорее всего, проявилось в появлении, наконец-то, у правящих кругов империи понимания того, что выход из ситуации состоит только в захвате, который в 1873 г. и произошел.

И второе, на что я хочу обратить внимание. В чем состояла цель похода В. Перовского на Хиву? Вы прекрасно рассказывали о том, как Россия завоевывала и покоряла Младший жуз и Средний жуз. И вдруг неожиданно от этого ушли. А на самом деле, 20-е, 30-е, 40-е годы XIX столетия – это период настоящей жестокости со стороны казахов. Безусловно, она была спровоцирована ликвидацией ханской власти, имперским наступлением на их территорию. Вы почитайте донесения того же Перовского о грабежах русских караванов, которые вообще невозможно было отправить. Угон в рабство 40 000 русских плененных в Хиве и Бухаре. Мне встречалась одна относительно давняя работа, где отдельная глава была посвящена угону в рабство казахами как профессиональному виду деятельности. Это были не единичные случаи. Около 13 родовых подразделений Младшего жуза профессионально занимались грабежами на Каспийском море, грабежами караванов. С этим надо было что-то делать. А поощряла все это Хива. И продавалось все это награбленное на хивинских и бухарских рынках. Невольничьи рынки там же, в этом регионе. И переговорами решить эту проблему было попросту невозможно. Поэтому, мне кажется, поход Перовского это попытка военным способом урегулировать ситуацию, умиротворить степь.

Васильев Д. В.: Я бы советовал не оттуда идти, а с Мангышлака и, возможно, из Астрахани. Посмотреть на отношения между этим регионом и Хивой. Мне кажется, в России и Казахстане этот регион изучен слабо. В отличие от Внутренней орды, которой все-таки уделяется внимание.

Удербаетва С. К.: Я бы хотела сказать, что, во-первых, поход В. Перовского 1839 г. вообще не достиг своей цели. Он просто вернулся назад потому, что вообще не был подготовлен. Что уж тут говорить о какой-то политике. Обмундирование на солдатах было из отвратительной шерсти. В суровых условиях начались болезни. А то, что поход остановил восточную политику, это, в общем-то, правильно. Тут еще сыграл и личностный фактор. После этого похода Перовский хотел покончить жизнь самоубийством, о чем писал в своих письмах. И только вмешательство императора остановило его. Тогда он решил восстановить репутацию. Реабилитацией стало завоевание Ак-Мечети. И это был первый успех в этом направлении. Я изучала эти перипетии с биографической точки зрения, т.е. смотрела, как влияет судьба и личность Перовского на политику в целом. Мы знаем, что он был незаконнорожденным сыном графа Разумовского. И вся его жизнь была направлена на то, чтобы взять реванш и доказать, что он тоже может быть полноправным членом светского общества. Я думаю, что все обстоятельства того времени можно понять только в комплексной оценке того периода и тех моментов.

(Экспертная оценка со стороны приглашенных исследователей-экспертов по докладу члена научного коллектива по проекту РНФ. Озвучил эксперт Е. У. Байдаров)

Собственно сам поход В. А. Перовского описан буквально в одном абзаце, что даже для небольшого исследования крайне мало. Что происходило во время похода? Кто участвовал в походе, помимо В. А. Перовского – возможно, какие-то военные, исследователи, чиновники? Существуют ли какие-то документы, имеющие прямое отношение к этому походу? И самое главное: каким же именно образом поход повлиял на «формирование восточной политики Российской империи»? – ведь именно этот вопрос заявлен как ключевой итог исследования в самом названии статьи. Но все эти вопросы в статье, к сожалению, остаются без ответа. И кроме того, автор ссылается лишь на единственный источник, имеющий хоть какое-то отношение к походу – на статью от 1898 г. в «Историческом вестнике» и даже не обращается к историографии вопроса.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучила участник проекта С. К. Удербаетва)

Сообщение в значительной степени представляет собой пересказ-описание событий, связанных с походом В.А. Перовского на Хивинское ханство зимой 1839–1840 г., его причин и последствий. Единственным элементом «новизны» является попытка автора рассмотреть ситуацию с «восточной» стороны, т.е. с учетом позиции хивинских властей. Однако краткость сообщения и ограниченный круг использованных источников и литературы не позволяют считать ее удачной. Кроме того, в сообщении присутствует ряд противоречий, связанных с интерпретацией отдельных фактов и, в конечном счете, повлиявшим на противоречивость вывода, озвученного по итогам проведенного исследования. Сама тематика, безусловно, может представлять интерес для дальнейшего развития ряда направлений в рамках проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.», в частности – международно-правовых аспектов отношений России и среднеазиатских ханств (Р.Ю. Почекаев), участие казахов в реализации центрально-азиатской политики России (С.И. Ковальская), туркменского фактора в русско-хивинских отношениях (Д.В.

Васильев, С.В. Васильев). Однако сам непосредственный результат исследования представляется весьма беспомощным и ставит под сомнение участие его автора в дальнейшей реализации научного проекта.

Выступление Ю. А. Лысенко

(Обсуждение выступления Ю. А. Лысенко)

Котюкова Т. В.: Юлия Александровна, у меня три вопроса. Первый. Насколько наличие 262 статьи Туркестанского Положения, которая гласила о невозможности приобретения недвижимого имущества на территории края лицами нехристианских исповеданий, сдерживало ту самую модернизацию и развитие, интеграцию, о которой Вы говорили. Следующий вопрос: не кажется ли Вам, что темпы и исходные стартовые позиции для модернизации в Туркестане и Степном крае были разными? Во-первых, Степной край, огрубляя всю эту картину, на сто лет раньше вошел в состав Российской империи, и мы здесь имеем практически стопроцентное кочевое хозяйство. И это одна история. Туркестан же, так сказать, – то самое пограничье, где есть и степь с кочевым хозяйством (причем разным потому, что киргизское хозяйство отличается от казахского), оседлое земледельческое хозяйство и не будем забывать Закаспийскую область. И здесь, мне кажется, темпы модернизации и исходные возможности были разными. Или вы считаете, что имперские методы и региональные практики в Степи и Туркестане ничем на деле не отличались? И последний вопрос. Вы говорите о том, что промышленная модернизация в Туркестане проявлялась слабо и объясняете это догоняющей модернизацией, которая имела место и в центральной части Российской империи. Не считаете ли Вы, что здесь играл роль совершенно банальный фактор – отсутствие денег у центрального правительства? Потому что даже введение дополнительной должности пристава в Сырдарьинской области вызывало целую бюджетную дискуссию. Хотя территория области была колоссальной и речь о том, что одного пристава на нее маловато, велась давно, даже такой мизерный в масштабе огромного государства вопрос вызвал споры и закончился ничем. Денег не было. Действительно ли у государства не было денег на масштабное развитие промышленности, а частный бизнес не вкладывался, или его сильно ограничивала 262-я статья Туркестанского Положения?

Лысенко Ю. А.: Начну с ответа на вопрос о том, можно ли сравнивать эти два региона. Они, безусловно, были разными абсолютно. Хотя бы в силу того, что Степной край стал интегрироваться в общее пространство, как минимум, на 100 лет ранее. И все практики фронтальной модернизации начинали опробоваться с этого региона. Мы хорошо понимаем, что созданию Туркестанского военного округа в 1864 г. предшествовало создание Иртышской, Ново-Ишимской укрепленных линий, создание окружных приказов. И по мере продвижения вглубь этот фронт все выдвигался и выдвигался внутрь Центральной Азии, достигнув, как писал М. Венюков, естественных рубежей – предгорий Тянь-Шаня. Поэтому отличия в региональных практиках и в том, как руководили генерал-губернаторы Степным краем и Туркестаном были различными. Единственное, что ускорило процесс модернизации Туркестана, на наш взгляд, и что заставило имперские круги вкладывать гораздо больше средств в Туркестан, чем в Степной край, это факт необходимости создания хлопководческих хозяйств. Участники всех экспедиций конца XIX в, выявлявших потенциал аграрной колонизации Степного края, писали, что он ограничен. А в Туркестане как раз видели выход из ситуации. Плюс решалась задача поставок хлопка для текстильной промышленности России. И если мы посмотрим по инвестициям, то, конечно, Степной край по финансовым вливаниям уступал Туркестану. И это позволило ему догнать Степной край.

Что касается 262-й статьи, то мы все понимаем, что наличие закона не означает еще его соблюдения. Безусловно, пути обхода закона были. И мы знаем, что на территории Центральной Азии было создано значительное количество акционерных обществ с участием бельгийского, французского, английского капиталов. Этот процесс однозначно шел, несмотря на то, что империя объективно его сдерживала.

И вы правы. Отвечаю сразу на третий вопрос – денег действительно не было. И это тоже один из аспектов модернизации. Денег не было ни для Европейской России, ни, тем

более, для окраин. На мой взгляд, Россия и не напрягалась в этом смысле – денег действительно ни на что не хватало.

Почекаев Р. Ю.: На мой взгляд, важный вопрос. Корректно ли говорить о государстве как о совокупном, коллективном акторе? Ведь было столько властей разного уровня, имевших совершенно разные позиции по поводу модернизации Русской Центральной Азии. Достаточно вспомнить конфликт между Военным министерством и Министерством иностранных дел: там то один побеждал, то другой; что создавалось одним, разрушалось другим. Особенно хорошо это виделось в протекторатах. А еще МВД, Министерство финансов. Наконец, Вы говорите о генерал-губернаторах. А были еще и губернаторы – главы областей. Вот у Д. В. Васильева в книге «Бремя империи» хорошо показано, когда К. П. Кауфман собирал проекты от губернаторов, и выяснялось, что они говорят взаимоисключающие вещи. Можно ли обо всех них совокупно говорить? Или надо их разделять, как-то учитывать эти особенности?

Лысенко Ю. А.: Безусловно, генерал-губернаторы в большинстве случаев опирались на мнения военных губернаторов и даже уездных начальников. В вопросах совершенствования налоговой системы, в вопросах распределения налогового бремени – все это звенья одной цепи. Что же касается государства как актора, я считаю, что оно и выступало главным актором. Другое дело, нужно понимать, что Российское государство – слишком большая страна, слишком разнородные регионы и национальные окраины начиная с Финляндии, Польши, Кавказа. И еще Туркестан, Степной край – все это разные регионы. Мы понимаем, что в экономическом отношении Польша была гораздо более развита, чем сама метрополия. В связи с этим речь идет о том, что различные варианты, практики проигрывались по каждому из регионов. И стратегически это как раз и определяли Военное министерство, Министерство финансов, МВД и пр. Не было у нас какого-то органа по управлению, по аналогии с Британией в лице вице-короля, который бы управлял. Коллегиальные решения вырабатывались на уровне взаимодействия всех министерств и ведомств. Я думаю, это и есть стратегия, которую вырабатывало государство, утверждал которую император.

Шлапентох Д.: Когда мы исследуем любое событие, любую страну, всегда уместно заниматься компаративистикой. Причем не только ретроспективной в отношении одной страны. Полезно посмотреть, что происходило в других странах. Эта компаративистика позволяет посмотреть, что было особенным, а что было общим. Мне кажется, что одна из проблем Российской империи была в том, что она не могла или не хотела следовать курсу Британской империи, которая действовала совершенно по другой модели. Британская империя была огромной. Она была больше Российской. Она была самой большой империей в истории человечества. Она была больше империи Чингисхана – занимала 25 % площади земного шара. Разбросана по всему земному шару. Над ней никогда не заходило солнце. И это при отсутствии телеграфа, телефона, самолетов. Каким образом удавалось держать империю в таком состоянии в течение столетия? А потому, что она старалась действовать по примеру косвенного контроля. Она сохраняла у местных правителей практически всю власть. Было несколько принципов, на которых она держалась. Первый – стараться не разрушать старую структуру власти. В Калькутте сооружен великолепный мемориал королеве Виктории. В центре – сама королева со скипетром и державой. А дальше вокруг купола идет изречение: «Я принимаю интересы князей индийских как мои собственные». Я сохраняю вам практически все. Это была первая модель, которая обеспечивала стабильность империи на огромных пространствах. Этим она и отличалась от Российской империи, которая осуществляла прямой административный контроль, минимизируя роль местных правителей. И еще что отличало Британскую империю от, например, американской. Она было очень благодарной тем, кто эту империю помогал строить. В Эдинбурге есть совершенно фантастический замок в центре города. И в этом замке есть маленькая площадка с надписью: «Кладбище военных собак». Зачем нужны собаки в замке, где каждый сантиметр на счету? Собаке все равно

где лежать. А послание простое: «Будь ты хоть поганый пес, но если ты служил империи верой и правдой, империя тебя не бросит». Это отличие от американской модели, где те, кто ей верой и правдой служил, отправлялись в мусорный ящик, когда переставали быть нужными. В результате комбинации идеи преданности локальной элите Британии, предоставление этой элите максимальной свободы и обеспечивало империи ту гибкость, в том числе в контроле над Индией, которая по населению превосходила Британию в десятки, а то и сотни раз. У российской модели проблема была в том, что речь шла об огромной территории, которую прямо пытался контролировать Санкт-Петербург. И это создавало проблемы, в том числе и в Центральной Азии.

Сайфулмаликова С. С.: Какую роль играл религиозный фактор в модернизации Центральной Азии?

Лысенко Ю. А.: Поскольку я являюсь специалистом в сфере религиозной политики Российской империи в Центральной Азии, я могу много говорить по этому поводу. На самом деле религиозный фактор не играл такой существенной роли в процессе фронтальной модернизации. То, что уже говорили до меня – максимальное сохранение традиционных институтов. Если они под воздействием модернизации саморазрушатся, и слава Богу. А так, специально исламские институты не подвергались воздействию.

Васильев Д. В.: Когда приходит пора джадидизма, тогда модернизация в исламе вызывает отторжение российской администрации, которая негласно становится как раз на сторону традиционного ислама, что мы можем наблюдать и до сих пор.

Асанова С. А.: Я поддерживаю Романа Юлиановича, что нельзя смешивать разные уровни власти. На примере Туркестана мы видим наглядно, как государство говорит одно, а краевая администрация принимает абсолютно иные решения. И мне интересно, смотрели ли Вы региональные источники: как местные власти реагировали на распоряжения, которые шли из Петербурга? И второй вопрос: действительно ли только финансовая составляющая была препятствием к расширению промышленности в регионе? Потому что все-таки надо смотреть местные источники, в которых должна проследиваться мысль об отсутствии инфраструктуры, удаленности районов. Здесь даже речь не о деньгах, когда местные чиновники говорят: «Зачем?» Ведь приезжают золотопромышленники, организуют производство, вкладывают средства, а через год сворачиваются. Потому, что они банкроты. Потому, что работать некому. Здесь не только отсутствие капиталов, здесь и отсутствие специалистов, отсутствие гужевого транспорта, какие-то другие сопутствующие проблемы.

Лысенко Ю. А.: На самом деле я абсолютно с Вами согласна. И об этом идет речь в моем докладе. Ведь отсутствие денег сдерживало и развитие инфраструктуры. Поэтому я не вижу здесь противоречия. Что касается взаимодействия центральной и региональной власти, есть масса примеров того, как на месте не принимали решений центральных органов управления. Более того, хочу отметить, что ко мнениям туркестанского и степного генерал-губернаторов прислушивались в первую очередь на особых совещаниях, в которых принимали участие представители министерств и ведомств Российской империи.

Сулайманов Ж. М.: Модернизация – это не только экономика и промышленность. Это еще культура и образование. Как Вы считаете, какое место в политике краевых властей занимало развитие системы образования в Туркестане? Или же это было отдано земской и городской администрации?

Лысенко Ю. А.: Вопрос очень серьезный. Отвечая кратко, хочу отметить, что на образование и здравоохранение выделялся весьма скромный бюджет. По остаточному принципу. Что же касается общей политики в сфере образования, то считаю, что она в целом была правильной – все-таки русский язык должен был стать связующим звеном, которое позволило бы сформировать суперэтнос – российскую нацию. А какие при этом были издержки, мы все понимаем.

Васильев Д. В.: Два слова дополню про образование. Я видел документы. Это 1870-е годы, когда многие школы стояли вообще без учителей, а где-то он был один, хотя школ было около 20 на весь Туркестанский край. Это немало.

Что же касается доклада Юлии Александровны, я хочу дать небольшой комментарий. Она говорила о земельном вопросе, который играл важную роль. Об изъятии земель и т. д. и т. п. Мы все это прекрасно знаем, но упускаем из вида один сюжет, что владение землей в Российской империи тесно увязывалось с гражданскими правами подданных. И это особенно видно в Столыпинской реформе. Регламентируя земельный вопрос, в Петербурге помнили, что, давая коренному населению права крестьян, мы должны распространить на них и общие правила землепользования, то есть закрепить за ними вполне конкретные наделы.

Мухамедов Ш. Б.: Хочу еще раз вернуться к модернизации. Насколько целенаправленной была эта программа в Туркестанском крае, мне сложно понять. Покажите мне хоть один документ о модернизации. Действительно, шли отдельные процессы. Я со Светланой Алексеевной Асановой согласен. И роль туркестанских генерал-губернаторов не была однозначной. Приведу пример. Из 14 туркестанских генерал-губернаторов четверо служили до 1900 года. Еще десять сменилось за 1900-1916 г. Частая сменяемость главных начальников края очевидна. Был такой Совет туркестанского генерал-губернатора. Его журналы – зеркало туркестанской жизни. Там все четко расписано. И с этим органом связано много нареканий, что туркестанский генерал-губернатор не был таким уж большим хозяином в крае. Сам совет иногда принимал решения, которые не нравились самому главному начальнику края. Первый генерал-губернатор К. Кауфман имел большие полномочия во внешней политике. А после М. Черняева все эти полномочия снимаются. И здесь начинается резонанс между МИД, Военным министерством, к которому относилось туркестанское начальство, и МВД, которое постоянно хотело оттянуть весь регион на себя. Все признавали эту межведомственную неразбериху, признавали половинчатость Положения 1886 г., которое не отражало все реалии генерал-губернаторства, призывали к его кардинальному изменению. Если мы это начнем принимать во внимание, то нарисуеться совсем другая картина. Давайте от М. Венюкова, М. Терентьева перейдем к реальным документам местного делопроизводства и по-другому увидим туркестанские эшелоны власти.

Что касается туркестанского образования и русско-туземных школ, то, как показывают современные исследования, реализовывавшаяся в них система С. Граменицкого, оказалась несостоятельной. А джадидистские школы, я согласен, признавались опасными и вредными. Историческая наука не стоит на месте. Может быть, мы вместе напишем хорошие и дельные совместные труды.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучил руководитель проекта Д. В. Васильев)

В сообщении анализируется совокупность участников (акторов) процессов социально-экономической модернизации в центрально-азиатских владениях Российской империи. В значительной степени оно является постановкой проблемы – выявления и характеристики представителей властей, иных групп имперской и местной общественности с точки зрения учета и реализации их интересов в регионе. Как следствие – неполное рассмотрение роли представителей тех или иных властей, наличие некоторых спорных обобщений, выпячивание отдельных факторов социально-экономического развития Русской Центральной Азии при почти полном игнорировании других, на самом деле – не менее важных. Вместе с тем, направление представляется весьма перспективным, и результаты

представленного исследования (а также дальнейшее взаимодействие с экспертом) может оказаться эффективным при изучении отдельных направлений российской модернизационной политики в Туркестанском крае и прилегающих территориях (С.А. Асанова, Д.В. Васильев). Дополнительным основанием в пользу такого мнения является опыт эксперта в работе с архивными материалами, наличие солидной источниковой базы по тематике проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.» в ее распоряжении.